

Александр Эртель

От одного корня

Александр Эртель
От одного корня

«Public Domain»

1883

Эртель А. И.

От одного корня / А. И. Эртель — «Public Domain», 1883

«Дождь лил не два, не три дня, не неделю, наконец, а целых два месяца. Казалось, не было конца ему. Наступил уж ноябрь, затем и он стал подходить к концу, а не было и признаков зимы. День и ночь низко ползли хмурые тучи над грязными, унылыми полями, в воздухе стояла какая-то гнилая, неприятная теплынь, и с утра до вечера моросил мельчайший дождь. Земля переставала всасывать в себя воду. Дороги казались уж не дорогами, а сплошными узкими и бесконечно длинными болотами, по которым шагу нельзя было ступить...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. Комментарии	10
--	----

Александр Иванович Эртель

От одного корня

Невесело живется на глухом, степном хуторе в позднюю, непогожую осень. Хлеб уж обмолочен, а пожалуй продан и отпущен, работ по хозяйству никаких нет, или и есть, да чересчур незатейливые – так, около двора больше: защитить хлевы камышом, прикрыть кое-где крышу, – вот и все. Сиди в четырех стенах, читай – если есть что, думай – если есть об чем, спи... А когда надоест все это, выйди за хутор да оглядывай широкий степной простор: не чернеют ли где, на далеком горизонте, лошадки, не ползет ли кто из знакомых разделить скуку... И – боже мой, что за радость обнимет хуторянина, если и в самом деле приползет какой-нибудь сосед!.. Будь тот сосед хоть ненавистнейший человек, он смело может рассчитывать на радушный прием у одуревшего с тоски и скуки хозяина.

Лет шесть тому назад мне пришлось на своей коже испытать всю прелесть поздней осени, да какой осени!.. Дождь лил не два, не три дня, не неделю, наконец, а целых два месяца. Казалось, не было конца ему. Наступил уж ноябрь, затем и он стал подходить к концу, а не было и признаков зимы. День и ночь низко ползли хмурые тучи над грязными, унылыми полями, в воздухе стояла какая-то гнилая, неприятная теплынь, и с утра до вечера моросил мельчайший дождь. Земля переставала всасывать в себя воду. Дороги казались уж не дорогами, а сплошными узкими и бесконечно длинными болотами, по которым шагу нельзя было ступить. Скирды немолоченного хлеба и ометы не чисто вымолоченной соломы покрылись густыми зелеными всходами: поросли. Озимы начали подопревать... А зима словно сгнула...

Невесело жилось в деревне, а уж про мой заброшенный в степи хуторок, отстоящий от ближнего поселка более четырех верст, и говорить нечего.

Проснешься утром, по стеклам маленьких окон методично стучат дождевые капли, в комнате какой-то неприятный, кислый полумрак, – ни свет, ни тьма, – ну, думаешь, должно быть еще рано... Нет, какой там рано! – уж стрелка на часах приближается к десяти... Глазам верить не хочется...

– Семен! или уж поздно? – тоскливо взываю я.

– Да уж не рано, Николай Василич. У меня и самовар давно готов – два раза уходил, – отвечает Семен из-за перегородки.

– Ах ты боже мой!.. А дождь не перестал? – спрашиваю я, хотя и самому мне отлично видно, что по стеклам беспрерывно стекают дождевые капли, но так уж само собой спросилось: авось, мол, это мне только кажется, что на дворе ливень, а на самом-то деле его и нету, – может быть, с пелены, мокрой от вчерашнего дождя, льется вода по стеклам...

– Какой вам перестал! – сокрушительно докладывает Семен, – всю ночь-ноченскую шел, а с утра-то словно еще пуще... И откелево только он берется, прости господи!.. Все ометы насквозь пролило...

– Иль глубоко?

– Мы, давишь, еле дорылись до сухого-то...

– А ведь это плохо!

– Чего уж!..

– Вот то-то низко клали-то... Говорил ведь я – повершить бы еще разок, так нет: больно высоко, таскать носилки тяжело!.. Вот тебе и тяжело...

Семен энергично гремит стаканами. По-видимому, разговор становится ему неприятен. Ну и ладно...

Пью чай и курю, курю и хожу по своей небольшой комнатке, хожу и думаю: «Хорошо бы приехать кому теперь...» И представляется мне, что, пожалуй, кто-нибудь и придет... Кому бы приехать? Может, Егор Василич соберется и притащит с собою гитару и карты?.. Славно

бы время провели... Споем мы с ним меланхолическими голосами: «Среди долины ровныя» или «Виют витры» под печальное тренканье гитары, затем, пожалуй, и удалую начнем: «Ах вы сени мои...» или что-нибудь подобное, и по обыкновению не кончим: как-то не ладятся у нас веселые песни... Поговорим о том, что когда же это, мол, пойдут морозы и наступит зима, поскорбим о судьбе несчастных озимей, о бездорожье, о вздорожании бакалейных закусок... Позеваем, повздыхаем сокрушительно, закусим чем бог послал, а на сон грядущий сыграем по маленькой в преферанс с болваном, и по окончании игры аккуратно запишем должок, мелком на притолке. На наличные мы не играем с Егором Василичем: человек он расчетливый и копейку бережет...

А то и Андрей Захарыч заедет и выложит новости со всего уезда. Расскажет, почему танюхинский целовальник, заведомый вор и грабитель, от острога избавился, свяжет причину этого избавления с новой шляпкой председательши Лупоглазовой или с вороным битюгом, недавно приобретенным самим председателем. Сообщит новый анекдот о Храпоткине, местном помещике и женихе, замечательном своею глупостью и громадным животом... Передаст свежеиспеченную острогу исправника Демокритова или смехотворнейшую выходку нашего enfant terrible¹ Микульского... Не забудет и про то, что мать протопопица тройню родила, в Головлеве на крестинах поп костью подавился, а в Ольховатке дьякон с женой подрался и ради этой причины в набат ударил, чем несказанно всполошил все село... Все, все расскажет! И опять-таки славно проведем время...

Немудрено, что и Семен Андреич приплетется и уж непременно захватит новые газеты, – журналами он пренебрегает и никогда их не выписывает, разве когда с картинками... Ну, уж это человек умственный и о протопопице говорить не станет. С ним мы и Мак-Магона продадим и прохвосту Гамбетте надлежащую встречу воздадим... Не забудем и австрийского премьера и железного канцлера... Примем во внимание и министерство новое в Турции и волнения в Герцеговине. Как? Что? Почему? Чем кончится?.. Одним словом, все содержимое доброго десятка газетных номеров с подходящим глубокомыслием взвесим, значение этого содержимого для судеб Европы вообще и России, в частности, определим и о будущем помечтаем, причем сладко вздохнем и сплюнем, как обыкновенно делается, когда мерещатся бифштексы на голодный желудок... Поскорбим слегка и о настоящем, однако с достоюльностью и с надлежащей примесью упования. Вообще славно проведем время...

А что, если все трое?.. Что, если?.. Вот бы... Я радостно вздрагиваю и начинаю усиленно ходить и курить... Того гляди приедут... Отчего же им и не приехать?..

– Эка льет-то, батюшка! – вздыхает Семен за перегородкой. «Гм... льет... А ведь и в самом деле льет!» И я гляжу упорно в окно, а за окном будто какие нити тянутся сверху, и нету тем нитям конца. Очевидная нелепость моих предположений встает предо мною воочию... Радостное ожидание сменяется какою-то ленивой злобою, и опять хожу и курю, хожу и курю... Туман в глазах, туман в голове, во рту какая-то горькая, вяжущая скверность, на сердце – тоска... А дождик – тук-тук, тук-тук... А маятник тик-так, тик-так... И главное – все это постукивает не спеша, размеренно, хладнокровно... Именно хладнокровно, как будто так думая: к чему спешить, торопиться, времени у нас довольно на то, чтоб свести с ума любого миндальника-оптимиста... О господи!..

С Семеном бы, что ли, поговорить?.. Да об чем с ним говорить?.. Сгорели «они» до тла в позапрошлом году. – Знаю... Мальчишку пятилетка у него лошади задавили. – Знаю... Жена к Чумакову приказчику сбежала. Знаю... Мир целовальнику надел отдал в аренду за недоимки – знаю... Чахотка у него развивается. Работать он почти не может. – И, это знаю... Все знаю... И не о чем мне говорить с Семеном.

¹ Испорченный ребенок (*франц.*).

Порывисто беру какую-то книжонку и начинаю читать. Нет – темно. То есть оно, пожалуй, и не совсем темно, читать-то и можно бы, но... О господи!..

С твердою решимостью, вероятно несколько удивившею Семена, преспокойно подшивавшего подметку к старому сапогу, я напяливаю кожаное пальто и выхожу за хутор. Дождь как будто поутих; по крайней мере он уж не льет, а только моросит, то есть стоит в воздухе в виде мельчайшей пыли... Дует влажный, пронизывающий ветер, наклоняя к земле мокрый бурьян на межах, щетиня соломенную крышу хуторских построек... До далекого подернутого легким туманом горизонта тянется ровное, как скатерть, грязно-желтое, печальное, неприветное поле... Ни деревушки, ни кустика, ни бугорка... Все это появляется на горизонте только в ясные дни.

Около самого хутора пролегает неглубокая ложбина, в которой шумит и трепещется мокрый камыш. Невдалеке, в этой же самой ложбинке, морщится маленькими грязноватыми волнами узенький прудок, запруженный полуразмытой плотиной, которую только, кажется, и сдерживают своими корнями молодые ветелки, сиротливо распростирающие по сырому воздуху свои мокрые, голые ветви... У пруда – небольшой лужок с поблекшей травой, низко прибитой к земле, долгими, непрерывными дождями.

И над всем этим нескончаемой вереницей тянутся угрюмые, синеватые тучи...

И так-то изо дня в день, изо дня в день!

В один из таких сумрачных дней, когда я только что начинал пить свой утренний чай, совершенно неожиданно скрипнула дверь, и за перегородкой послышался тихий голос:

– Дома хозяин-то?

– Где ж ему быть? – вопросом же ответил Семен.

– Кто там? – спросил я, внезапно воспрянув духом.

– Мы, Миколай Василич, – вваливаясь в комнату, ответил мне неожиданный гость. Это был мужик из соседней деревушки Березовки, Василий Мироныч. Я, конечно, обрадовался ему, как только может обрадоваться человек, почти обезумевший со скуки. Мы сейчас же вплотную подсели к самовару и завели длиннейшие разговоры. Но прежде расскажу, что за мужик был Василий Мироныч.

Ему было лет за пятьдесят. Благообразное, умное лицо, обросшее большой светло-русой бородой, степенная тихая речь, открытый взгляд серьезных серых глаз – все это располагало в его пользу, заставляло если не чувствовать к нему особой симпатии, то уважать его, а главное – верить ему, его всегда строго обдуманному и непременно имеющему какое-нибудь практическое значение рассказам, советам и рассуждениям. Именно – практическое значение, потому что все его рассказы, советы и рассуждения вертелись исключительно на почве непосредственной, так сказать осязательной, пригодности. Все, что не соприкасалось с этой пригодностью, – не пользовалось его уважением. Оно было либо лишнее и вообще «блажное», либо такое, о котором нам, темным и грешным людям, говорить не след. Одним словом, он был не из тех, которые, мечтая о журавле в небе, выпускают синицу из рук. Мне даже всегда почему-то думалось, что и эта пословица, а также и много иных в таком же духе, вроде «своей рубашки» и «всяк за себя», – выдумана и пущена в ход непременно Василием Миронычем. Не этим, не березовским, конечно, а другим, который, может быть, во времена удельных междоусобиц^[1] проживал где-нибудь около Твери либо Рязани...

Вот за эту-то «синицу» я хотя и уважал Василия Мироныча, но любить его не мог, – просто инстинктивно не мог любить... Странно, что не я только один относился так к Василию Миронычу. И на миру его уважали, даже отчасти побаивались, почти всегда слушали, но любить опять-таки не любили.

– Каков мужик Василий Мироныч? – спросишь, бывало, какого-нибудь березовского обитателя, и обитатель, не задумываясь, ответит;

– Мужик умнейший... Обстоятельный мужик...

Другой, пожалуй, прибавит: «ума – палата», «деляга», «кремень», даже «справедливым» мужиком назовет, но никогда не отзовется как о «душевном человеке», о «мирском». Купцы и помещики почему-то звали его «серым министром».

Мужик он был зажиточный. Богаче его, кажется, не было в Березовке: впрочем, нужно добавить, что быть первым богачом в Березовке значило не очень много. Было у него штук пять лошадей, – правда, очень порядочных, местной битюцкой породы, – две или даже три дойных коровы, с полсотни овец, рига изба-двойня. Были и деньжонки, хотя, конечно, по-нашему очень небольшие – сотни три, четыре, – но по крестьянству немалые. Он каждый год снимал у меня десятин по семи под посев, а плательщиком был исправным. Были в нем и торговые замашки. Так, недавно выстроил он рушку^[2], а к ней пристроил и помольный постав. Мельницы водяные от нас не близко, а потому дело его пошло хорошо. При постройке рушки он был сам за мастера, а уж откуда научился этому мастерству, требующему немалых познаний, сказать положительно не могу... Слышал я как-то, что жил он исключительно для этой выучки где-то на мельнице простым работником, но жил очень недолго. Я думаю, что поставил он рушку и пустил ее в ход только с помощью своей необыкновенно острой сметки и какой-то врожденной способности к математическим вычетам и расчетам.

Впрочем, слово «необыкновенный» я, пожалуй, употребил неправильно. В среде торговых мужиков, мещан и тому подобных людей, которых принято называть теперь всех вообще «кулаками», эта самая сметка и эта способность к чисто математическим вычислениям встречаются очень часто.

– Вот беда с осенью-то, Василий Мироныч!

– Что подделаешь – божеское произволение!.. – сокрушительно вздохнул Василий Мироныч, отирая чистым ситцевым платком вспотевшее лицо.

– Зеленыя-то, кажется, подопрывают...

– Как не подопрывать, известно – подопрывают... Кабы знато, сев-то попоздней бы начать...

– Да я и не знаю, Василий Мироныч, к чему спешили? Ведь вы, вон небось, еще до первого спаса ржи-то свои отсеяли...

Василий Мироныч сдержанно улыбнулся.

– Нешто угадаешь?.. Известно так огадывали: пораней посеешь, зеленыя-то будут кустистей, ан по заморозкам скотине корм... Вот вышло-то не по-нашему... Меня и то попрекают севом-то, – добавил он.

– Кто?

– Свои, мужики. Мы, бывало раньше успенья не севали... Так уж истари... А ноне, как на грех, я и начни до первого спаса, ну, за мной и все... А теперь вот... Просто горе!..

– Ну, чем же ты-то виноват!

– Поди ж ты вот!.. А тут, как на смех, Трофим... знаешь?

– Кузькин что ль?

– Ну, ну... Так он обапол Ивана постного отсеялся – как, говорит, старики севали, так и я, – не дураче нас были...

– По его и вышло?

– По его и вышло! – засмеялся Василий Мироныч, – зеленыя-то у него еле-еле землю закрыли, ну, и ничего – не преют... Мужики-то и сбились на его сторону... Известно, что мужик? Мужик – дурак!.. Куда ветер потяня туда и он...

Было заметно, что Василий Мироныч засел на своего любимого конька. Он хотя и не горячился, но говорил с заметным одушевлением; я, конечно, старался почти не прерывать его: благо разговорился, что с ним бывало не часто.

– И вот я тебе скажу, Миколай Василич, не дай-то господи в мирские дела встревать... Окромья худого, ничего не выйдет... Одно огорчение...

– Да какое же огорчение, Василий Мироныч? Что-то я не соображу...

– Как какое? Так скажем – один убыток... Пытали мы эфто!..

Василий Мироныч опять отер пот, обильно проступавший на его высоком лбу, и попросил налить еще стаканчик.

– Годков десять, пожалуй, будя, еще ты на хуторе-то на эфтом не сидел, и занеси меня нелегкая в ходоки... поверенные то ись, – поправился он. – И что я греха претерпел, скажу тебе – страсть!..

Я недоумевающе взглянул на него:

– Ну, уж и греха?

– А ты как думал?.. Одно слово – склыка... Возьмем, к примеру, подводу. Надоть куда по мирскому делу ехать – подводы нет!.. Бьешься, бьешься... И к старосте-то, и к десятскому, – нет тебе подводы, да и шабаш!.. Иди, мол, к Прохору, его черед... А к Прохору придешь, – не мой черед, говорит, я онадысь свой отбыл: к становому сотского возил... Ступай к Аношке!.. А у Аношки, глядишь, одна кобыла, да и та ожеребилась только... Что ты поделаешь?.. А уж чтоб за Аношку кто поехал – и в уме не держи!.. Не такой народ... Да так-то ходишь, ходишь, бывало, по порядку, да ни с чем и воротись... Ах, пусто бы вам!.. Ведь раз, что ты думаешь, так и отмахал на своих на двоих до города!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Удельные междоусобицы были последствием удельного порядка, водворившегося в Суздальской Руси в XIII–XIV веках, когда каждый князь распоряжался своим уделом как вотчиной, строил козни против других князей и помышлял лишь о том, чтобы «примыслить» что-либо от своего соседа.

2.

Рушка – крупорушка для очистки зерна.